

Мученик народа

130 лет Сергею Рахманинову

юбилей музыка *КоммерсантЪ. 8. — 2003 — 2 апр. — с. 22.*

Поклонение музыке Рахманинова развивается в обратной пропорции к качеству ее исполнения. ФОТО ЮРИЯ МАРТЬЯНОВА

Вчера исполнилось 130 лет со дня рождения русского пианиста, композитора и дирижера **Сергея Васильевича Рахманинова**. Предшествовавший да-те концерт в Большом зале консерватории — судорожно играл японский студент Цида Сада-кату — в очередной раз доказал **ЕЛЕНЕ ЧЕРЕМНЫХ**, что музы-ку, да и самого Рахманино-ва понимают совсем не так,

как стоило бы.

От болячки налипших на Рахманинова слов — «он выполнил миссию певца России», «он был свидетелем величайших потрясений и двух мировых войн», «он выражал душу через картины русской природы» — тошнит и мутит. Но ахинея эта приобрела уже государственный оттенок. Вознесенному на щит отечественной культуры в образе страдальца-почвенника, Рахманинову великодушно (сын отставного гусара), даже категорическое неприятие революции (чего не простили Бунину), даже сознательную эмиграцию в Америку в 1917-м (чего не простили ставшему все-таки не нашим Стравинскому). Простили и подписанное им в числе прочих письмо 1931 года, от лица русских эмигрантов призывавшее американские власти бойкотировать СССР, где творилась пост-революционная вакханалия.

По сути, Сергея Рахманинова немилосердно лишили им же избранного права быть нездешним, репатриировали его без его же согласия. Казалось бы, умер человек, проживший большую и в общем хорошую жизнь, в далеком Беверли-Хиллз, где и

покоится его прах с миром. Так нет. Домогаются приватизации его памяти, как будто не Господу Богу, а местным поклонникам и исполнителям его музыки решать такие вещи.

Что наш народ наотрез отказал человеку и музыканту Рахманинову в праве быть частным лицом, неудивительно. Таких масштабов достигла фетишизация его музыки. И свой конкурс мы рахманиновский завели. И по телевизору, вплоть до рекламы, заездили. И всюду, где композитор Рахманинов, слышится плоский звук государственной боли, безысходный российский минор, выступление образа всадников русского апокалипсиса и выигрышание (совсем не рахманиновскими пальцами) мутной русской истерики. Даже реклама йогуртов «Данон» благодаря Второму концерту Рахманинова звенит космическим русизмом. Даже окно в оттепельный хеппи-энд «Весны на Заречной улице» открывается только под Рахманинова.

Какая-то противоестественная обнадеженность вечной ностальгией — нечто вроде диагноза национального мазохизма. Видимо, поэтому Рахманинов особо популярен у нас. Популярен даже у консерваторских педагогов, ученики которых просто приручают рахманиновские ноты нахрапистыми аккордами и не по возрасту горестными мелодиями. Вот только куда-то подевалась двойная природа рахманиновского таланта: искренности и искусства, мастерства и сиюминутности. Композитор и пианист, сам он далеко не всегда понимал, когда од-

но у него переходит в другое. Чем и прекрасен был, как любой творческий человек.

Сочинительская техника Рахманинова и впрямь уникальна сочетаемостью слуховых (композиторских) и мышечных (пианистических) импульсов. Некоторые, например известный русский филолог и меломан Александр Реформатский, обоснованно недолюбливали его за «патетическое топтание на месте» (когда интенсивность мысли явно тормозилась инерцией заигравшихся рук). Но в этом и прелесть его прелюдий или этюдов-картин, нередко управляемых ускользящей спонтанностью двойного воображения. Конечно, выразить все это на эстраде дано было лишь тем, кто все это понимал.

Понимал Владимир Горовиц, считавший Рахманинова лучшим, чем он сам, пианистом (хотя сам, в свою очередь, был признаваем за лучшего другим фортепианным гением — Артуром Рубинштейном). Понимал и Святослав Рихтер, пронзительно объяснивший однажды, за что Рахманинова не любил Прокофьев: «Совершенно не переносил — оттого, наверное, что сам испытывал его влияние».

Рахманинов, впрочем, был взаимен с Прокофьевым. «Этого молодого человека надо осаживать», — заметил он (и сделал рукой жест сверху вниз), когда в 1916 году в антракте петербургского концерта памяти Скрябина юный Прокофьев одарил Рахманинова: «Я вами доволен, вы хорошо сыграли Скрябина». Всего за несколько дней до того они познакомились: «Рахманинов был благополу-

шен, протянул большую лапу и милостиво беседовал».

Заостренность внимания к Рахманинову Прокофьев сохранил на всю жизнь. Что в известной степени отрывает Рахманинова от другого, причем гораздо более искусственно навязанного ему оппонента — Александра Скрябина. Считается, что обожавшие Скрябина на дух не переносили Рахманинова. Но что это, если на первые же концерты после смерти кумира приглашали играть именно Рахманинова? Конечно, страсти были роковые: на звуках Пятой сонаты («которые у Скрябина куда-то улетали, а у Рахманинова оказались крепко прибитыми к земле») в зале поднялось волнение. Тенор Алчевский, которого держали за фалды, кричал: «Подождите, я пойду с ним объяснюсь!» Но объяснился не он, а все тот же Прокофьев: «И все-таки, Сергей Васильевич, вы сыграли очень хорошо». Рахманинов криво усмехнулся: «А вы, вероятно, думали, что я сыграю плохо?» На чем их хорошие отношения, по мнению Прокофьева, и кончились. Хотя на самом деле кончились они совсем в другое время и совсем в другом месте. В марте 1943-го советский композитор Сергей Прокофьев играл в Мурманске любимую им из рахманиновских соль-минорную Прелюдию. Играл он ее «в темпе марша, но таинственно». За чем его и застало известие о смерти Сергея Рахманинова, умершего в далекой Америке, где он успел написать «Симфонические танцы» (1940) — подражание давным-давно слышанной им в России «Скифской сюите» Прокофьева.